ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Г.С. Лапшина, канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: gslapshina@gmail.com

ФЕНОМЕН ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Статья ставит целью показать, сколь значительную роль в истории русской журналистики сыграли женщины, прежде всего в становлении печати, в развитии ее системы, в расширении читательской аудитории, в демократизации общественных идей, носителем которых всегда была отечественная журналистика.

Ключевые слова: *Императрица Елизавета Петровна, первые частные журналы в России, политика Екатерины II в области печати, Е.Р. Дашкова, литературные салоны, женщины-публицисты, женщины-редакторы и издательницы.*

This article is to draw attention to a significant role women played in the history of Russian journalism – in its' establishment, in the development of press, in expanding the readership, in democratization of social ideas, whose carrier journalism of Russia was.

Key words. *Empress Elizaveta Petrovna, first private magazines in Russia, policy of Catherine II in the field of Russian press development, Dashkova, literary salons, women-writers, women editors and publishers.*

Судьба русской журналистики сложилась так, что непосредственное отношение к ней, к формирующейся системе печати, взаимоотношениям ее с государством, цензурой имели женщины – и прежде всего сидящие на троне. История отечественной журналистики – это неотъемлемая часть нашей культуры, это трибуна, отражающая ее становление и одновременно оказывающая влияние на формирование культуры. Поэтому иногда трудно разделить деяния тех, кто взошел на престол, на сугубо политические, собственно культурные и непосредственно определяющие развитие печати. Три женские фигуры встают перед нами, когда мы обращаемся к XVIII веку, времени масштабных преобразований в России: Елизавета, дочь Петра Великого, с ее правления начинается эпоха русского Просвещения; Екатерина II, которую уже привычно называют Великой, и ее блестящая соратница, княгиня Дашкова, Екатерина Малая, как она сама себя иногда именовала.

Идеи Просвещения пришли в Россию вместе с французской культурой, которая при Елизавете Петровне стала вытеснять немецкое влияние. В.О. Ключевский обращал внимание на то, что императрица не

только перепечатала изданное при отце «Юности честное зерцало», но и способствовала избранию в почетные члены Академии наук Вольтера и через И.И. Шувалова передала французскому энциклопедисту поручение написать историю Петра Великого[1]. Ее детищем становится Императорский театр, Академия художеств, Московский университет... При Елизавете Петровне расширена программа Шляхетского корпуса, который с 1743 получил название Сухопутного шляхетского корпуса. Он сыграл огромную роль в истории русской литературы и театра уже потому, что в его стенах, по распоряжению Елизаветы Петровны, обучался первый русский актер Ф.Г. Волков, корпус закончили литераторы М.М. Херасков и А.П. Сумароков. Собственно, здесь и родился настоящий русский театр – с представлений в Сухопутном корпусе. Ключевский отмечал, что «тогда театр впервые стал серьезным интересом для русского образованного общества и ему приписывали не только увеселительное, но и образовательное значение»[2]. Императрица была очень увлечена им, «порой весь двор превращался в театральное фойе: изо дня в день говорили только о французской комедии, о итальянской комической опере и ее содержателе Локателли, об интермеццах и т.д.»[3]. В 1756 году был создан Императорский театр, где Волков стал первым придворным актером, а драматург Сумароков – директором.

Но имя А.П. Сумарокова неразрывно связано и с историей российской журналистики. Он возглавил первый отечественный частный журнал «Трудолюбивая пчела»[4].

И здесь нужно снова обратиться к величественной фигуре Елизаветы Петровны. Печать только тогда способна выполнить свою просветительскую, культурную роль, когда она независима от власти. Петр Великий газетой «Ведомости» положил начало официальной, государственной прессе, с государством связаны и издания Академии наук. Именно во время правления его дочери и был сделан следующий важный шаг в развитии журналистики. «Трудолюбивая пчела» была не только первым частным изданием – особое место в нем принадлежало сатире, а сам Сумароков сделал попытку представить читателю и первую в России социальную утопию. В 1760 году Сумароков стал активно печататься и в другом частном журнале «Праздное

---

[1] См.: *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 91, 102.

[2] Там же. С. 95.

[3] *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 315.

[4] Таким образом, в его лице впервые соединились театр и журналистика, творец искусства и критик, что очень знаменательно и в XIX веке получит дальнейшее развитие (газета «Музыка и театр» композиторов Александра и Валентины Серовых, критическая деятельность художника Ивана Крамского, выступления в печати режиссера Владимира Немировича-Данченко и т.д.). См. об этом подробнее: [Лапшина, 2015] и др.

время, в пользу употребленное», возникшем почти одновременно с его «Трудолюбивой пчелой».

Начало целой эпохе в развитии российской печати положило основание Московского университета. Несмотря на то что это был *Императорский* университет, личностное начало в изданиях, выходивших в созданной при университете типографии, которую при Елизавете Петровне курировал М.М. Херасков, было очень сильным. В это время здесь издавались журналы «Полезное увеселение», а чуть позже и «Свободные часы». В университетской типографии вышел и первый номер «Московских ведомостей», с которыми на протяжении долгой истории будут связаны имена многих выдающихся журналистов и представителей русской культуры в целом.

Исследователь истории российской цензуры Г.В. Жирков особое внимание обращает на то, что Елизавета сделала после Петра I важный шаг в разделении духовной и светской цензуры. Ее великий отец начал этот процесс, отведя главную роль Духовной коллегии, где в большинстве были люди светские. 7 марта 1743 г. Елизавета повелела, чтобы все гражданские книги выходили только с апробацией Правительствующего Сената, а Святейший Синод цензурировал только книги духовные. Это давало возможность Ломоносову избежать нареканий императрицы в связи с нападками Синода [Жирков, 2001, с. 18, 20-22] на него и «Ежемесячные сочинения»[5]. Журнал Сумарокова проходил цензуру Академии наук, и редактор мог позволить себе полемизировать с ней[6].

С уходом Елизаветы этот цензурный «рай» был потерян[7]. Императрица не ставила целью управлять печатью, некоторые историки полагают, что она просто не понимала силу печатного слова. Возможно... Однако «рай» был. Екатерина Великая, «императрица-писательница», по выражению Ключевского[8], эту силу ощущала. Первой задачей Екатерины Алексеевны было «сгладить впечатление переворота, путем которого вступила на престол, оправдать незаконное присвоение власти»[9]. Основная мысль ее программы – «попустительное распространение *идей века* и законодательное закрепление *фактов места*»[10]. К выполнению ее и призывалась пресса.

---

[5] Этот первый русский научно-популярный журнал тоже начал издаваться при Елизавете Петровне.

[6] См., например, письмо Сумарокова в Канцелярию Академии наук от 22 апреля 1759 г. в кн.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С 85-86.

[7] Так назвал это время А.М. Скабичевский, один из первых историков русской цензуры, мнение которого приводит Г.В. Жирков [Жирков, 2001, с. 23].

[8] *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 31. Она писала пьесы, сказки для внуков, записки по русской истории, журнальные статьи, либретто для комических опер, исторические драмы.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 35.

Управлять печатью, в том числе и через идеологический контроль над умами читателей, «императрица-писательница» решила через частные издания, инициировав при содействии своего секретаря Г.В. Козицкого выпуск журнала «Всякая всячина». Ее опыт оказался востребованным почти через сто лет, когда министр внутренних дел П.А. Валуев, проводивший в жизнь почти все реформы Александра II, организовал два подобных издания: сначала газету «Русские ведомости» с редактором Н. Павловым, а потом «Неделю» – с Н. Мунтом. Оба проекта в конце 1860-х гг. успеха у читателя не имели и продолжили существование при новых издателях, однако идея через несколько десятилетий снова возродилась у П.А. Столыпина в момент преобразования им сельского хозяйства: он организовал выпуск газеты «Россия», которая выходила очень большим тиражом.

Но вернемся к Екатерине Великой. Ее начинание дало мощный толчок развитию печати, более всего – сатирической, породило (прежде всего «Трутень» Н.И. Новикова) серию замечательных журналов с блестящими публицистами. И этот бурный поток изданий, которые все менее желали «управляться», заставил императрицу насторожиться. Медленно, но верно Екатерина Алексеевна от политики управления печатью шла к удушению ее. Оправившись от потрясения, вызванного пугачевским восстанием[11], с целью сохранить свое влияние на просвещенное дворянство императрица издала 15 января 1783 года Указ о вольных типографиях – либеральный, поскольку разрешалось открытие частных типографий, и полицейский, ибо контроль за содержанием изданий передавался в Управу Благочиния, без разрешения которой «самовольное напечатывание» было наказуемо [Жирков, 2001, с. 26][12]. Управлять мнением в начале 1780-х гг. Екатерина Великая пыталась и через исторические рассуждения в академическом «Собеседнике любителей российского слова» («....всякое добро нисходит от престола», «национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства»[13]). Однако журналистское сообщество давно выражало сомнение в истинности этих постулатов. Уже «Трутень» навсегда сделал врагами Новикова и императрицу. Она методично «охотилась» за ним на протяжении нескольких лет. Так, 23 декабря 1785 г. она дала распоряжение главнокомандующему в Москве графу Я.А. Брюсу «сочинить роспись...книгам», ибо «из типографии

[11] В разгар его прекратил существование последний сатирический журнал Новикова «Кошелек».

[12] Жертвой этого Указа стал А.Н. Радищев, который хотя и выпустил свое «Путешествие...» с разрешения Управы, но попал под действие пункта о «ворах, чинящих смуту» и подлежащих смертной казни, как «бунтовщик хуже Пугачева».

[13] Цитирую по указ. работе Жиркова. С. 25.

Новикова выходят многие странные книги»[14]. В этот же день появился ее Указ архиепископу Платону: «призвать Новикова» и «испытать его в законе нашем, равно и книги его типографии освидетельствовать: не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской доблести, и что окажется, донесите нам, и синод наш уведомьте»[15].

17 октября 1788 г. Екатерина направляет Указ главнокомандующему Москвы П.Д. Еропкину: «чтоб университетская типография, по истечении срока, на содержание поручику Новикову не была отдана»[16]. Итог неравной борьбы Н.И. Новикова за независимую, широко развитую систему печати, многогранную по типологии и объемную по просветительским идеям, известен: политика удушения, к которой все больше склонялась императрица, восторжествовала: в 1792 году Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, более 18000 изданных в его типографии книг было сожжено. Указом от 16 сентября 1796 года «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; *об учреждении на сей конец цензур* в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне, и об упразднении частных типографий»[17] завершились отношения Екатерины Великой с журналистикой.

Княгиня Дашкова, директор Петербургской Академии наук и президент Российской академии, созданной для изучения русского языка, одна из образованнейших женщин своего времени, Екатерина Малая, в конечном итоге тоже оказалась жертвой цензурной политики своей венценосной «подруги», которой когда-то помогала взойти на престол. Екатерина Романовна была не менее, а, скорее всего, более литературно одаренной, нежели императрица. Еще в 1863 году она выступила как переводчик фрагментов из философского трактата Гельвеция «Об уме». Некоторые исследователи полагают, что она участвовала в новиковском «Живописце»[18]. Это возможно, если учесть, что в опубликованном в 1875 году Архиве князя Воронцова были рукописные замечания Дашковой на книгу К. Рюльера «История, или Анекдоты о революции в России в 1762 г.», где она выражала неудовольствие тем, что автор не упомянул о ее желании видеть в Екатерине не самодержицу, а регентшу[19]. Может быть, уже тогда между ней и императрицей проскользнула тень отчуждения? Может быть, дело

---

[14] Русская журналистика в документах. История надзора. М., 2003. С. 54.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 60.

[17] Там же. С. 64. Курсив наш. – *Г.Л.* Через месяц положения этого указа были конкретизированы указом «О составлении цензур в городах».

[18] См. об этом: *Дмитриев С.С., Веселая Г.А.* Предисловие к кн.: Дашкова Е.Р. Записки. [Здесь же: Письма сестер М. и К. Вильмот из России]. М., 1987. С. 15.

[19] Там же. С. 10.

было в том, что Дашкова не удовлетворилась высокими должностями, которые предложила ей Екатерина Великая – то ли как милость бывшей соратнице, то ли из-за прагматичного понимания, сколь полезным это станет для дела Академии? Во всяком случае, Екатерина Малая не удовлетворилась этим и приняла активное участие в журналистике. В 1783 г. она основала журнал «Собеседник любителей российского слова», в 1786 – «Новые ежемесячные сочинения». В этом же году по ее инициативе Академия стала издавать «Российский Феатр», собрание всех российских театральных сочинений. Вышло 43 части сборника (1786–1791, 1793–1794). Дашкова продолжила начатое Новиковым издание письменных памятников по истории России «Продолжение Древней Российской Вивлиофики» (20 частей). К этому времени у нее уже был достаточно богатый публицистический опыт: в 1774 году она участвовала в создании при Московском университете Вольного Российского собрания, в журнале которого «Опыт трудов Вольного Российского собрания» опубликовала несколько статей. Дашкова писала стихи на русском и французском языках, переводила с английского и французского, произнесла несколько академических речей, писала комедии и драмы для театра.

Личность Е.Р. Дашковой очень точно обрисовал А.И. Герцен в опубликованной в «Полярной звезде» (1857 г., кн. 3) статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова»[20], говоря о том, что в ней чувствуется нечто «сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское...»[21]. «Собеседнику» посвятил в «Современнике» (1856) большую статью Н.А. Добролюбов. Он увидел в журнале «отражение современной жизни общества», защиту русского языка, любовь к историческим изысканиям, умение рисовать современные нравы, донести до читателя научные истины[22], «стремление распространять просвещение в обществе и возвысить значение отечественной литературы»[23]. Добролюбов связывал все лучшее, что было в «Собеседнике», с деятельностью Дашковой: «Журнал этот был ее задушевной мыслью; она надеялась посредством его действовать на распространение знаний, развитие истинных понятий, на образование самого языка. Более серьезно, нежели все окружавшие ее, проникнутая просвещенными идеями, умея вносить их в саму жизнь..., она стояла гораздо выше современного ей русского общества»[24].

В «Собеседнике» участвовали лучшие литературные силы: Г.Р. Державин, В.В. Капнист, Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, Д.И. Фонви-

[20] В 1859 г. он издал в Лондоне ее «Записки».
[21] Цит. по: указ. выше изд. С. 5.
[22] См.: *Добролюбов Н.А.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1950. С. 12.
[23] Там же. С. 15.
[24] Там же. С. 42.

зин и др. Здесь печатались «Записки о русской истории» императрицы Екатерины, ее же «Были и небылицы». Сочинения государыни занимали значительное место в журнале, они преследовали все еще не угасшую цель – управлять мнением и достаточно определенно показать, что ей не нравилось в настроениях общества, в чем она видела опасность для государства. Но проблема заключалась в том, что неприятие своей позиции Екатерина Великая встретила в этом же издании. Это неприятие пронизывало публикации Фонвизина, в том числе вопросы, которые он задал автору «Былей и небылиц», что привело к полуофициальному запрещению печатать его произведения. Участие в «Собеседнике» Державина вызвало недоброжелательство генерал-прокурора, доверенного лица императрицы, князя А.А. Вяземского[25]. Настроение самой Дашковой отражает тот факт, что в 1789 году по ее предложению почетным членом Петербургской академии наук стал один из авторов Декларации независимости США, разработчик Конституции Соединенных Штатов, Б. Франклин, а саму Дашкову избрали почетным членом Американского философского общества, основанного этим выдающимся американским государственным деятелем. Конечно, не следует исключать чисто научный аспект в их взаимоотношениях: Франклин был ученым и изобретателем, однако в его жизни было и журналистское прошлое[26]. Но если вспомнить замечания Екатерины Романовны на книгу Рюльера и ее частое пребывание в конституционной Англии, то можно предположить, что симпатии Дашковой к Франклину не были лишены и определенного сочувствия к его политической позиции. Интересно, что имя Франклина часто появлялось на страницах «Московских ведомостей» в 1780-е гг., когда университетской типографией владел Н.И. Новиков.

Брат Екатерины Малой, А.Р. Воронцов, покровительствовал по службе А.Н. Радищеву и в связи с осуждением его в 1791 году вышел в отставку. Расправу с автором «Путешествия...» Дашкова восприняла с горечью, хотя она пишет об этом в «Записках» сдержанно: «Я была опечалена судьбой Радищева и особенно горем моего брата, так как знала – *оно пройдет не скоро*»[27]. Последние слова говорили о многом: Воронцов не только в душе жалел Радищева, но помогал ему в период ссылки[28]. Подробно в своих «Записках» рассказала Екатерина Романовна и об истории с публикацией в академическом «Российском Фea-

[25] См. об этом: *Дашкова Е.Р.* Указ соч. С. 159.

[26] См. об этом: *Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И.* История мировой журналистики. М.; Р/Д., 2003. Гл. I. Параграф «Североамериканская журналистика XVII–XIX вв.». URL: http://evartist.narod.ru/text8/51.htm

[27] *Дашкова Е.Р.* Указ соч. С. 176. Курсив наш – *Г.Л.*

[28] Там же. С. 457.

тре» (1893) трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», о том, как она (явно с иронией) предложила полицмейстеру вырвать страницы с текстом трагедии из этого издания, как разгневанная императрица пообещала сжечь трагедию рукой палача[29]. С этого момента пути Великой и Малой Екатерины окончательно расходятся. Императрица отдает распоряжение отправить в цензуру третий номер «Живописца», который Дашкова хотела переиздать, как это было сделано с другими номерами этого журнала Новикова. В результате издание в свет не вышло. Дашкова высказывает желание отойти от службы в Академии, получает отпуск «для поправления здоровья» и уезжает из Петербурга. Павел, придя к власти, ссылает Дашкову в деревню Новгородской губернии. К счастью, ссылка оказалась не долгой. Екатерине Романовне даже разрешили бывать в столице, когда там отсутствует двор. В последние годы она не оставляла журналистской деятельности, печаталась в «Русском вестнике» С.Н. Глинки, в журнале «Друг просвещения»[30], работала над «Записками», которым была суждена долгая жизнь.

...Ушел XVIII век с его венценосными создательницами русской журналистики, и в формировании облика отечественной печати стали участвовать далекие от власти, неравнодушные к жизни общества талантливые люди, «простые» дворяне и дворянки.

Литературные салоны... Именно там собиралась творческая интеллигенция, которая и составляла ядро российской журналистики, особенно в первой половине XIX века. Литератор – так тогда обычно называли журналиста, отличая *служение* слову от оплаченной *профессии*. Собирали литераторов в свои салоны дамы, просвещенные, часто творчески одаренные дворянки. В этих салонах встречались представители складывающихся литературных направлений, которые определяли развитие словесности, формирующиеся философские взгляды, здесь вырабатывались новые идеи, и все это находило свое отражение на страницах журналистики, которая в России была, как известно, единственной трибуной[31].

[29] Там же. С. 177. Все это и было проделано властью: страницы из 39 тома «Феатра» были вырваны (см. там же. С. 458), произведение Княжнина было сожжено [Жирков, 2001, с. 30].

[30] Любопытно, что этот долгое время считавшийся почти ретроградным «прошишковским» журнал печатался в типографии П.П. Бекетова, который в 1801 и в 1811 гг. издал, вопреки запрету, сочинения А.Н. Радищева (URL: http://letopis.msu.ru/peoples/1519). Среди издателей журнала был Д.И. Хвостов, который в 1791 г. избирался членом Российской академии.

[31] О роли литературных салонов в развитии литературы и журналистики см. подробнее: *Банников Н.В.* Вступ. ст. и биографические очерки в книге «Русские поэтессы XIX века». М., 1979: *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры. Л., 1989. Касается их деятельности *Пиетров-Эннкер Бианка* в монографии «"Новые люди" России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции». М., 2005. С. 91, а также *Стайтс Ричард* в книге «Женское освободительное движение в России». М., 2004. С. 39. 51.

Дом З.А. Волконской на Тверской в 1825–1829 гг. привлекал внимание многих литераторов – и безответно влюбленного в хозяйку Д.В. Веневитинова, и В.А. Жуковского, и Е.А. Баратынского, и П.А. Вяземского, и В.Ф. Одоевского, и П.Я. Чаадаева... И Пушкина, который здесь в последний раз увиделся с Марией Волконской-Раевской, уезжавшей в Сибирь; трогательные проводы ее имела мужество устроить Зинаида Александровна.

Дом А.П. Елагиной (по первому мужу Киреевской) у Красных ворот на долгие годы стал известным салоном не только в Москве. Трудно назвать литератора 1820–1840-х гг., который не почел бы за честь побывать в этом гостеприимном доме: В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, А. Мицкевич, К.К. Павлова.... Пушкин. В 1831 году с семейством Елагиных знакомятся С.Т. Аксаков и А.С. Хомяков. В 40-е здесь бывают Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, К.С. Аксаков, Н.П. Огарев, Н.М. Сатин, позднее К.Д. Кавелин[32]. На воскресных Елагинских вечерах бывал П.А. Чаадаев. Особо нужно отметить постоянное присутствие в салоне Елагиной ученых Московского университета – Т.Н. Грановского, П.Г. Редкина, С.П. Шевырева, М.П. Погодина.

Дом Е.П. Ростопчиной на Садово-Кудринской в конце 1840-х гг. оказался одним из самых привлекательных литературных салонов в старой столице. Ф.Н. Глинка, М.Н. Загоскин, Д.В. Григорович, А.Ф. Писемский, Я.П. Полонский, А.М. Майков, Л.А. Мей, Е.В. Тур – это далеко не полный перечень имен тех, кому интересно было на вечерах у Е. Ростопчиной. Здесь Л.Н. Толстой познакомился с А.Н. Островским. В салоне Евдокии Петровны можно было встретить замечательных актеров – М.С. Щепкина, И.В. Самарина, посещала его П. Виардо.

Салон в Москве был не первым в жизни Ростопчиной. Еще в 1836 году она, живя тогда в Петербурге, собирала у себя многих литераторов – В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, В.Ф. Одоевского, П.А. Плетнева, С.А. Соболевского... У нее часто бывал Пушкин – в последний раз за день до дуэли.

В салоне К.К. Павловой провел свой последний московский вечер перед отъездом на Кавказ (в конце мая 1841 года) М.Ю. Лермонтов. Ее дом на Сретенском бульваре в конце 1830-х – начале 1840-х гг. тоже пользовался успехом в литературных кругах Москвы. Здесь бывали писатели разных направлений, но каждый со своим ярким творческим почерком: Аксаковы, Гоголь, Григорович, Герцен, Фет... Сама Каролина Карловна, тогда еще Яниш, с середины 1820-х гг. охотно появлялась в салонах А. Елагиной и З. Волконской. У Волконской она познакомилась с А. Мицкевичем, их романтические отношения закончились драматически.

[32] Он прекрасно напишет о ней в «Северном вестнике» (1877, № 68 и 69).

Уже по именам ясно, что такие салоны чаще всего держали поэтессы и писательницы. Так, у Зинаиды Волконской в 1819 году вышли на французском языке «Четыре новеллы», ее незаконченная поэма «Сказание об Ольге» в отрывках была опубликована в «Московском наблюдателе» (1836, № 8, 9). Повесть «Славянская картина пятого века», изданная сначала в Париже (1824), в 1825 году в отрывках была опубликована П. И. Шаликовым в его «Дамском журнале».

Стихи Е. Ростопчиной с 1834 года стали появляться в московских журналах («Московском наблюдателе» и др.). В 1837 и 1839 гг. поэзия ее была представлена на страницах плетневского «Современника». В 1841 году вышел сборник стихов Евдокии Ростопчиной. В 1840–1850-х гг. она выступила и как прозаик (романы «Счастливая женщина», «Палаццо Форли», «У пристани»). В 1856 году Ростопчина написала комедию «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатилетней разлуки».

Каролина Павлова, тогда Яниш, первый свой стихотворный сборник «Северный свет» издала в 1833 г. в Германии. В нем были переводы на немецкий из Пушкина, Баратынского, Языкова, а также ее собственные немецкие стихи. Через несколько лет в Париже вышел новый сборник ее переводов «Прелюдии» – теперь на французский, и не только русских поэтов, там была и ее собственная франкоязычная поэзия. Но лучшие стихи Павловой написаны на русском. С 1839 года их охотно печатают «Отечественные записки», «Москвитянин». В 1848 году отдельным изданием вышел ее роман в стихах и прозе «Двойная жизнь». В 1915 году В. Б. Брюсов в Москве издаст двухтомное собрание сочинений Павловой.

Но конечно, поэтесс и писательниц в России было несравненно больше, чем хозяек салонов[33].

Анна Бунина (книги ее стихов выходили трижды – в 1809, 1811, 1819–1821 гг.), Надежда Теплова (первый выпуск ее стихотворений появился в магазинах в 1833 году; в 1838 и 1860 гг. этот сборник был переиздан), Юлия Жадовская (ее поэтические сборники выходили в 1846 и 1858 гг.), Ольга Чюмина (у нее было несколько выпущенных стихотворных книг – в 1888, 1897, 1905 и 1908 гг.), Мирра Лохвицкая (она была удостоена Пушкинской премии за свой первый поэтиче-

[33] Хозяйки салонов тоже не все были публичными литераторами. Это относится и к А. Елагиной (она переводила, но печаталась очень мало), равно как и к Е.А. Штакеншнейдер, в салоне которой бывал Ф.М. Достоевский, и дружба с ней стала одной из светлых страниц в его жизни. У Штакеншнейдер часто можно было видеть критика Н.Н. Страхова, так же как и автора «Исторических писем», будущего революционера-эмигранта, философа, поэта и публициста П.Л. Лаврова, тогда руководителя «Заграничного вестника»; «Дневник и записки» Е. Штакеншнейдер были опубликованы в 1934 г.

ский сборник 1896 г.; в 1900 году вышел трехтомник ее стихов)... Список этот можно продолжать и продолжать...

В прозе себя замечательно проявили Анна Зонтаг (ее книги для детей выходили в начале 1830-х гг., самыми популярными были «Повести и сказки для детей»; в 1837 г. издана большим тиражом ее «Священная история для детей», потом появились «Три комедии для детей»), Александра Ишимова (первая ее книга была переводной – «Искусство быть счастливым»; широкую популярность среди читателей завоевала ишимовская «История России в рассказах для детей», так понравившаяся Пушкину), Авдотья Панаева (ее романы «Мертвое озеро» и «Три страны света», написанные с разной степенью участия Некрасова, спасли «Современник» в период «мрачного семилетия», реакции 1848–1855 годов), Анна Корвин-Круковская (ее рассказы «Сон» и «Михаил» были опубликованы в журнале Достоевских «Эпоха»), Надежда Хвощинская (под псевдонимом В. Крестовский опубликовала трилогию «Провинция в старые годы», повести и романы «Стоячая вода», «Пансионерка», «Большая медведица» и др.; в 1881 и 1892 гг. выходили собрания ее сочинений), Александра Анненская (ее книги для детей пользовались успехом: «Зимние вечера» (1877), «Брат сестра» (1880), «Анна» (1881), «Мои две племянницы» (1882), «Своим путем» (1889), «Свет и тени»), Лидия Авилова (первый ее сборник «Счастливец и другие рассказы» вышел в 1896 году, последний – «Пышная жизнь. Камардин» – в 1918)... И этот перечень тоже далеко не полон.

Дело, конечно, не в количестве. Вопрос в их роли для развития печати. И она велика. Как известно, сложившийся к 1840-м годам как тип, русский «толстый» журнал открывался отделом беллетристики, с него начиналось знакомство читателей (среди них было уже много женщин) с номером. Все вышеназванные поэтессы и писательницы сотрудничали с периодикой; трудно назвать издание, где бы не были представлены авторы-женщины, в том числе переводчицы (это отдельная тема для размышлений[34]); эти публикации привлекали особый интерес и, соответственно, способствовали росту тиражей журналов, а следовательно, укреплению их экономической независимости.

[34] Об интересных переводческих опытах женщин, так же как и об их участии в печати в качестве публицистов и редакторов-издателей, см., например, в книге автора «Женское лицо русской журналистики». М., 2012. Для плетневского «Современника» «Драматические очерки» Бари Корнуолла (псевдоним Брайана Уоллера Проктера) перевела Александра Ишимова. Для «Вестника Европы» много переводила Анна Энгельгардт – Золя, Бальзака, Флобера, Ибсена, Твена, Ожешко. Зинаида Венгерова перевела для «Мира Божьего» роман «Овод» Этель Лилиан Войнич; Александра Давыдова для этого же журнала – Киплинга, Жеромского и др. Интересным является опыт Женской переводческой и издательской артели, где были выпущены в том числе сказки Андерсена (в 1867 г. сборник был подвергнут жесткой цензуре).

Вторая половина XIX века приносит бурное развитие женского движения, что приводит женщин в журнальную публицистику и в издательско-редакторское дело. Женщины и ранее уже пробовали себя как собственно журналисты. К примеру, Зинаида Волконская, вынужденная покинуть Россию, присылала друзьям свои путевые заметки, и они печатались в «Московском вестнике» Погодина, в «Галатее» Раича, в альманахе «Северные цветы». В третьей части «Телескопа» Надеждина за 1831 г. появился ее «Проект Эстетического музея» при Московском университете; идея эта была воплощена в жизнь много позже И. Цветаевым. Рецензии на исторические романы О. Шишкиной и М. Загоскина публиковала в «Маяке» С. Бурачка Александра Зражевская, здесь же был напечатан ее очерк-памфлет «Зверинец», где писательница говорила о тяжелом положении русской литературы, попавшей в тиски «словесных» торговцев, а также о праве женщин не только участвовать в жизни литературы, но и о праве их учиться в университетах.

С борьбы за это право и начинается развитие в русском обществе и, соответственно, в журналистике идей эмансипации [Юкина, 2003], что существенно расширит участие в печати женщин, которые вскоре потребуют права не только на высшее образование, но и на свободный труд. Много блестящих женских копий будет сломано на этом поприще, сколько славных имен появится в русских журналах и газетах! Мария Вернадская, Мария Трубникова, Евгения Конради, Аделаида Симонович, Мария Цебрикова, Анна Евреинова, Любовь Гуревич, Александра Толиверова-Пешкова, Мария Покровская... Их статьи оживляли страницы многих изданий, будили читательскую мысль, стимулировали интерес к феминистским проблемам и к общественным проблемам вообще, расширяя таким образом читательскую аудиторию. Иногда женщинам-публицистам казалось, что лучше всего прозвучат их требования эмансипации в специальных изданиях. Так, в 1866 году появится журнал «Женский вестник» Анны и Николая Мессарошей, где активно будет печататься Конради. Однако он просуществует всего два года. Оказалось, что «женский» вопрос в России не только женский. Чего были лишены женщины, что стало предметом их борьбы? Право учиться в университетах? Но этого права были лишены учебной реформой 1871 года и многие мужчины, выпускники реальных гимназий, превращенных этой реформой в училища (возможность поступления в университеты теперь существовала только для юношей, окончивших классические гимназии). Право на свободный, в том числе квалифицированный труд? Но и этого права в полной мере не имели и мужчины – хотя бы потому, что той же учебной реформой были лишены

возможности получить широкие квалифицированные знания в гуманитарной области и, следовательно, права заниматься гуманитарным трудом. Право избирать и быть избранными в представительные органы? Но были ли такие органы вообще в самодержавной России? Речь, очевидно, могла идти только о земстве, которое, несмотря на позиционирование его правительством как органа внесословного, таковым не стало, и поэтому не только женщины, но и значительная часть мужского населения практически в такого рода выборах не участвовала. То, что называлось «женским» вопросом в России, имело более широкое звучание, он мог быть решен только при общей демократизации русской жизни[35]. Поэтому издания, заявлявшие себя как «женские», нередко были недолговечными: столь же коротким, как у «Женского вестника», окажется век и более поздних изданий: журнала «Друг женщины» (1882–1884) М. Богуславской и «Женского дела» А. Толиверовой-Пешковой (1899–1900). Трибуной для обсуждения проблем эмансипации стали общественно-литературные журналы, где ставились – часто именно в связи с требованиями женщин – общероссийские вопросы. И здесь существенная роль принадлежала женщинам-редакторам и издательницам.

Эта роль тоже не стала открытием 1860-х годов, если вспомнить Екатерину Великую и Екатерину Малую. В 1840-е годы появился педагогический журнал Ишимовой «Звездочка», где она поместила много и своих статей, потом «Лучи». Но идейное обновление в журналистику приходит с другими именами, в том числе и с женскими. М.Н. Вернадская – первая русская женщина-политэконом инициировала издание профессором И.В. Вернадским «Экономического указателя» (1857–1859), где стала соредактором и ведущим публицистом, отстаивавшим идею свободного труда, его ценности для прогрессивного развития общества. Инициатор активной борьбы за право женщин на высшее образование, переводчица, публицист, участница многих изданий, в том числе «Русского слова», Е.И. Конради-Бочечкарова возглавила в 1869 году единственную демократическую газету «Неделя» и руководила ею несколько лет, несмотря на попытки цензуры задушить издание (в период 1869–1871 гг. газета дважды приостанавливалась на полгода). В 1885 году появился журнал «Северный вестник», где и редактором, и издателем были жен-

[35] Об этом недвусмысленно написал С.С. Шашков в журнале «Дело», сопоставляя общественное положение женщин в России и Соединенных Штатах (такой прием использовали многие журналисты): «В Америке эмансипация женщин логически вытекает из основных принципов *конституции*» (Дело. 1872. № 1. С.35. Курсив наш. – *Г.Л.*). Вместе с тем, как отмечает Е.Г. Якушева, в 1870 г. в США насчитывалось менее 1% женщин-журналисток [Якушева, 2014, с. 93].

щины: первая в России доктор права А.М. Евреинова и А.В. Сабашникова, сестра в будущем известных книгоиздателей. В нем печатались Н.К. Михайловский, А.П. Чехов, Г. И. Успенский, В.Г. Короленко. В 1891 году журнал возглавила Л. Я. Гуревич, и в нем вместе с А.Л. Волынским начались поиски новой эстетики; в литературу входил символизм. А.А. Давыдова, вдова композитора и директора Петербургской консерватории, прошедшая журналистскую «школу» в качестве секретаря в «Северном вестнике» Евреиновой, в 1892 начала издавать журнал «Мир Божий», сначала как издание для юношества, но с середины 1890-х гг. как общественно-литературный журнал.

Первоначальная ориентация этого издания на юношескую аудиторию не случайна. Издательницы второй половины Х1Х века, так же как в свое время А. Ишимова, нередко обращались к воспитательной роли печати. Так, в 1866 году А.С. Симонович стала издавать журнал «Детский сад» и «держала» его два года; в 1876 г. негласным фактическим руководителем издания стала М.К. Цебрикова, вложившая в него полученное наследство; она расширила его рамки, и с 1877 года журнал получил название «Воспитание и обучение». А.Н. Толиверова-Пешкова в 1887 г. была редактором-издателем детского иллюстрированного журнала «Игрушечка» и педагогического издания «На помощь матерям».

Справедливости ради надо сказать, что, казалось бы, и чисто женские журналы не совсем потеряли свой смысл. В 1904 году врач-гигиенист М.И. Покровская стала редактором-издателем «Женского вестника», где значительную роль начали играть идеи учрежденной ею в 1905 г. Женской прогрессивной партии.

Конечно, это далеко не полная картина участия женщин в печати и их влияния на отечественную культуру в целом, но представить объемно историю русской журналистики вне феномена женщины ныне уже невозможно. Мы несколько схематизировали эту историю. За рамками статьи остались еще немало имен и названий, но наиболее яркие фигуры (более всего XIX века, когда складывались основные типы русских периодических изданий) все же были названы. Поле для исследования огромное, и можно только порадоваться за тех, кто приходит сюда.

Список литературы

Банников Н.В. Вступ. ст. и биографические очерки в книге «Русские поэтессы XIX века». М., 1979.

Дашкова Е.Р. Записки [здесь же Письма сестер М. и К. Вильмот из России]. Вступ. ст. и комментарий *С.С. Дмитриева, Г.А. Веселой*. М., 1987.

Добролюбов Н.А. «Собеседник любителей российского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783–1784 // Добролюбов Н.А. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1950.

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXXII // Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1989.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXXV // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1989.

Лапшина Г. С. Женское лицо русской журналистики. М., 2012.

Лапшина Г.С. Искусство глазами журналиста. М., 2015.

Лапшина Г.С. М.Н. Вернадская – идеолог свободного труда // Медиаскоп. 2014. № 3.

Летопись Московского университета. Бекетов Платон Петрович. URL: http://letopis.msu.ru/peoples/1519.

Пиетров-Энккер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.

Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Русская журналистика в документах. История надзора / Сост. О.Д. Минаева. М., 2003.

Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект. Р/Д, 2011.

Стайтс Ричард. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004.

Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. Л., 1989.

Шашков С.С. Женское дело в Америке // Дело. 1872. № 1, 2.

Юкина И.И. История женщин России. Материалы к библиографии. СПб, 2003.

Якушева Е.Г. Особенности формирования «женской» журналистики в рамках прогрессивного движения в США (рубеж XIX – начало XX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 93.

Поступила в редакцию
02.06.2015